

УДК 801.73

Байронические мотивы в «кавказском» творчестве русских романтиков 1820–1830-х годов (гендерный аспект)

Манкиева Эсет Хамзатовна

Кандидат филологических наук,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, 1;
e-mail: aset.mankieva@mail.ru

Аннотация

Гендерный аспект творчества русских романтиков относится к числу малоразработанных. В данной статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с формами эстетического воздействия канонов западноевропейского романтизма на художественное сознание и почерк русских романтиков в изображении горской северокавказской женщины. В статье уделяется внимание преимущественно творчеству английского романтика Дж.Г. Байрона, которое интертекстуально перекликается с кавказскими страницами поэзии А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Русские поэты взяли за основу направленные ориентиры европейского романтизма, в том числе принцип идеализации «восточной женщины», ее физического, психологического и духовного облика. При этом, «превзойдя» своего учителя, они создали свой уникальный художественный мир с арсеналом собственных экспрессивных средств.

Для цитирования в научных исследованиях

Манкиева Э.Х. Байронические мотивы в «кавказском» творчестве русских романтиков 1820–1830-х годов (гендерный аспект) // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 33-41.

Ключевые слова

Западноевропейский романтизм, школа русского романтизма, байронический мотив, образ женщины, Кавказ, поэзия.

Введение

Особое место в творчестве представителей школы русского романтизма занимает «Кавказ» – понятие не только географическое, но и художественно-эстетическое, в российском

культурном пространстве выполняющее роль «обязательного» экзотического Востока в рамках общепринятой системы романтического двоемирия. Процессы, связанные с глобализацией, сегодня с особой отчетливостью позволяют увидеть взаимовлияние различных этнокультур, а также настоятельно требуют выстраивания «конструктивного диалога с сопредельными культурами с осмысленным учетом общего и особенного, локального и универсального» [Башиева, Геляева, Кучукова, 2011, 87]. С этой точки зрения весьма актуальной проблемой представляется исследование байронических художественных традиций, воспринятых плеядой русских романтиков в изображении кавказской горянки. Гендерный аспект русских романтических произведений актуализирован тем фактом, что «женская субкультура пребывает как бы в тени» и произведения русских романтиков – «одна из возможных интерпретаций материалов, характеризующих женские параметры культуры у народов Кавказа» [Карпов, 2013, 368].

Ориентиры русского романтизма

Устойчивый интерес русских писателей-романтиков 1820–1830-х годов к женщине-мусульманке Северного Кавказа сформировался под влиянием западноевропейской школы романтизма. Это были произведения не немецких романтиков – «йенских» (Новалис, Л. Тик) или «гейдельбергских» (Л. Арним, К. Брентано, братья Я. и В. Гримм, Й. Эйхендорф), а также Г. Клейста, Э.Т.А. Гофмана; и не романтизм французский (Жермена де Сталь, Р. Шатобриан, Э.П. Сенанкур, позднее А. Ламартин, А. де Виньи, А. де Мюссе, Ш.О. Сент-Бёв), включая и В. Гюго с его лирическим сборником «Восточные мотивы» (1829), где сколько-нибудь конкретный образ мусульманской женщины отсутствует. Это был романтизм английских поэтов – Т. Мура, П.Б. Шелли и прежде всего Дж.Г. Байрона как автора «Паломничества Чайльд Гарольда», две первые песни которого увидели свет в 1812 году, и, конечно, как автора так называемых *восточных* поэм «Гяур» (1813), «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Лара» (1814), «Осада Коринфа» (1816) и «Паризина» (1816). Обнародование «Паломничества...» вызвало симпатии К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского и В.А. Жуковского, а спустя несколько лет, Байрон побудит А. Пушкина изучать (для чтения творений поэта в оригинале) английский язык, станет Байрон главным вдохновителем поэзии и прозы писателей-декабристов (К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер, А.И. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский), а позднее и Лермонтова.

Общую тенденцию особого внимания русских авторов 1820–1830-х годов к лидеру именно английского романтизма еще в 1822 году, в связи с его «Шильонским узником», только что переведенным В. Жуковским, обозначит Пушкин. «Английская словесность, – пишет он из Кишинева Н.И. Гнедичу, – начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной» [Пушкин, 1988, 398].

Не проигрывает, а выигрывает, в глазах Пушкина, Байрон и на фоне немецкого романтизма. Ставя в один ряд с автором «Паломничества...» лишь «великого Гёте» (отдавая ему первенство как творцу «Фауста») и Ф. Шиллера, Пушкин в своих многочисленных заметках о европейской литературе фактически обходит молчанием не только Новалиса и Л. Тика, но и относительно популярного в России с середины 1930-х годов Э.Т.А. Гофмана. Объяснить это можно, скорее всего, отрицательным отношением большинства русских романтиков к литературному мистицизму, свойственному многим из их германским соратников. Ведь не одни литераторы-декабристы (В. Кюхельбекер, А. Бестужев), но и А. Пушкин, как известно, не прощали мистицизма даже В. Жуковскому.

В целом приоритетное внимание российских писателей-романтиков к Байрону базировалось на несравненно большей, чем у любого другого современного им западноевропейского автора, созвучности их эстетических и общественно-исторических идеалов с идеалами этого британского поэта. Множеству образованных русских людей пушкинско-лермонтовской эпохи, ознаменованной и победой страны в Отечественной войне с Наполеоном, и декабристским движением против самовластья и крепостного права, и тяжкой участью самих декабристов, оказались глубоко близкими как байроновская идея непримиримой, хотя и трагической борьбы человека против антигуманной и враждебной ему действительности, так и созданный поэтом образ такого борца, весьма точно названного Пушкиным лицом одновременно «мрачным, могущественным», но и «тайнственно пленительным» [Пушкин, 1988, 83].

Литературно-самобытный вариант подобного героя со своей стороны стремился создать и каждый из русских авторов – «байронистов». Одной из ранних удач на этом пути, на наш взгляд, может считаться пушкинский Алеко из поэмы «Цыганы» (1824), конечно, не в присущем ему и осужденном Пушкиным индивидуализме героя, а в его решительном неприятии наличной современной европейской цивилизации с «неволей душных городов».

Ближний Восток – Северный Кавказ: романтические параллели

Отметить «переключку» русских писателей-романтиков с Байроном – одна из задач данной статьи. Ведь первая из «южных» поэм Пушкина, поэмы Лермонтова и А. Полежаева – это, как и байроновские «Гяур», «Корсар», «Абидосская невеста», «Лара», «Парижина», произведения «восточные», и уже потому, что Северный Кавказ в ту пору россиянами причислялся не столько к Европе, сколько к Азии, что мотивировалось прежде всего исламской принадлежностью его коренного населения. Азиатами (или «азиатцами») именуется Бестужев-Марлинский персонажей из местных жителей в своих повестях «Аммалатбек» и «Мулла-Нур». То же делает Максим Максимыч в лермонтовском «Герое нашего времени» да и сам говорящий о кавказцах Лермонтов. А весь мусульманский Кавказ в

глазах русских уподоблялся тому Ближнему Востоку, страны которого посетил Байрон во время своего путешествия 1809–1811 годов и впечатления от которых отразил прежде всего в «восточных» поэмах.

Не в девственных лесах Северной Америки (по примеру Р. Шатобриана в его повести «Атала...», отдельное издание в 1801 г.), а на исламском Кавказе, куда он добровольно «полетел/ С веселым призраком свободы», поселит молодого российского европейца, героя своей первой романтической поэмы, Пушкин, не подозревая, что этим решением обозначит путь, которым вскоре в тот же край придут и другие, не только вымышленные, но и *реальные* русские романтики, не вынесшие несвободу их родины, – Александр Полежаев, Михаил Лермонтов и Александр Бестужев-Марлинский.

Так даже в биографическом плане творчество и судьбы русских романтиков 1820-х годов сближались с поэтической деятельностью с судьбой Байрона, трагически ушедшего в 1824 году из жизни в возрасте Пушкина и всего тремя годами обогнавшего их обоих Бестужева-Марлинского.

Есть немало параллелей и совпадений и в том, чем именно привлекал Ближний Восток Байрона, а русских писателей-романтиков – Северный Кавказ. На первом месте здесь, вне сомнения, величественная в своем вольном и бурном бытии природа этих приморских и горных краев Земли, равно входящая в ценностный комплекс героев и байроновских «восточных», и русских «кавказских» поэм (повестей). Вслед за Чайльд Гарольдом, заглавным героем «Гяура» и пиратом Конрадом («Корсар») в душевном слиянии с их могучими проявлениями обретают отраду и пушкинский Пленник, и лермонтовский отрок-монах Мцыри («Я с бурей слиться был бы рад!») и благородный разбойник Мулла-Нур из одноименной повести Бестужева-Марлинского.

Английского и русских романтиков привлекает и самобытность словесно-творческой культуры «азиатов» – древней, языческой и базирующейся на заповедях Корана, понятого ими и «как литературный памятник, возникший во всей сложности современной ему языковой, политической и идеологической обстановки Аравийского полуострова» [Беляев, 1963, 4]. После знакомства с главной книгой мусульман Байрон с похвалой отозвался о ней, «считая, что как поэтический памятник» она «намного превосходит произведения европейских поэтов» [Сидорченко, 1971, 136].

Русских романтиков, авторов «кавказской» темы, роднит с Байроном, творцом «восточных» поэм, и культ необыкновенных по силе страстей, в особенности отличающих, согласно им, «азиатов» на фоне более рациональных и утративших былую цельность европейцев, а также то их «пламенное изображение», ярчайший пример которого Пушкин увидел в байроновском «Гяуре» [Пушкин, 1988, 82]. В ряду этих страстей на равных существуют вольнолюбие и гнев, отважность и мстительность, гордость и не ведающая границ ревность, жажда заслуженной славы и нередкое изощренное коварство. Однако в сравнении и с этими эмоциями «страстью сильнейшей» (М. Лермонтов) для героев великого английского

романтика и его российских последователей является любовь. Именно любовный эпизод, как правило, центральный в произведении, придает необходимое единство каждой из поэм Байрона; любовная драма или трагедия цементирует и лиро-эпические истории романтических героев Пушкина, Лермонтова, составляет главную сюжетную основу «кавказских» повестей Бестужева-Марлинского.

Идеализация женской красоты

Учитывая, что «идеал – проблема, уводящая в теоретическую бесконечность» [Кажарова, 2014, 5], в данной работе мы ограничимся исследованием идеала, объединяющего «восточные» поэмы Байрона с русскими романтическими сочинениями с кавказскими мотивами. Это такое изображение женщины-мусульманки, в итоге которого ее целостный, физический и нравственный облик в своем обаятельном воздействии на читателей в конечном счете пересиливает «пленительность» и самого «таинственного» из мужских героев того или иного произведения. Наделенная поэтом противоречивыми психологическими импульсами, женский образ с развитием поэмого действия переживает сложную эволюцию от не любящей турецкого Сеида-пашу, но покорной рабыни-наложницы его гарема до решительной мстительницы своему властителю за нанесенное ее женскому достоинству оскорбление. Защищенная Конрадом вместе с другими женщинами-невольницами от насилия со стороны его сообщников и пораженная его участием, она испытывает к нему сильное влечение, скоро осознанное как первая настоящая – свободная – любовь. Когда же Конрад, уже овладевший дворцом Сеида, был разбит превосходящими силами паши и заключен в темницу, она сначала, подкупив стражу, спасает возлюбленного от ждущей его страшной казни, а затем ударом кинжала в сердце паши прокладывает ему путь к свободе и любимой им прекрасной европейке Медоре. Так действенно и зримо проявляется не только неженская смелость этой героини-мусульманки, «дающая ей право стать в бою рядом с мужчиной» [Стахорский, 1997, 114], но и ее редкая и среди сильных мужчин способность жертвовать собой для любимого.

Не такова ли и пушкинская Черкешенка из «Кавказского пленника»? Или юная лезгинка Зара, что «под видом девы гор», как «создание земли и рая» однажды предстала перед заглавным героем лермонтовской «восточной повести» «Измаил-бей» (1832)? Та девушка, которая, полюбив Измаила, тайно следует за ним, чтобы в скрывающей ее одежде молодого джигита быть с ним «в битве» и «в изгнанье». Или семнадцатилетняя Селтанет из повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», сумевшая достойно выйти из сложнейшей коллизии между всеохватывающим сердечным чувством к герою произведения и требованиями ее совести, возмущенной низким предательством любимого?

Как правило, все романтические героини и Байрона, и его русских последователей – красавицы. Женская красота в творчестве романтиков – категория самоценная и абсолютная, хотя предстает различно: то в виде одухотворенной и возвышенной, но одновременно и до болезненности слабой (как привлекательность «девы юной во мгле» или даже «чахоточной девы» из стихотворений Пушкина «Редет облаков летучая гряда...» и «Осень»), то, напротив, чувственной, но безудержно, даже мистически страстной, как у лермонтовской «царицы Тамары» («Тамара») или пушкинской Заремы из «Бахчисарайского фонтана». В «восточных повестях» Байрона и «кавказских» произведениях русских романтиков приоритет отдается красавице не европейского, а азиатского рода, обаяние которой признается более органичной женской природе и нестесненным пагубными следствиями западной цивилизации и ханжескими условностями общественной морали. В целом образы северокавказских героинь русских авторов 1820–1830-х годов в той же мере, что и восточные женщины Байрона, – плод не письма «с натуры» и не типизации, а сознательной художественной идеализации.

Еще один продуктивный вектор заявленной темы видится в рассмотрении «женских персонажей в байроновских поэмах о Востоке как «основное связующее звено героя с внешним миром» [Муратова, 2015, 59]. Современные философы отмечают: «Поэзия природы, рыцарский нрав и поэтическая черкешенка уже навсегда стали символическими кодами Кавказа в культурном Космосе Пушкина и его культурно-философских концепциях, а через них – частью и достоянием российской культуры» [Тхагапсоев, 2012, 136].

Заключение

Таким образом, можно отметить, что среди зарубежных истоков образов северокавказской женщины, созданных русскими писателями 1820–1830-х годов, наибольшая генетическая связь обнаруживается с героинями «восточных» поэм Байрона. Эта связь выявляется главным образом на уровне типологических черт, определенных представлениями и идеалами романтизма не столько в его национальном своеобразии, сколько общей для литератур Европы направленной основе. Это те идеалы страстной любви, естественной женственности, женской верности своему чувству, наконец, не односторонней, только духовной или всего лишь физической, а равно поражающей мужскую плоть и душу целостной и яркой красоты. Той красоты, которой чаяли многие европейские романтики, поэты и читатели и которая в их глазах олицетворялась не с образом женщины хоть и цивилизованной, но погрязшей в условностях и лицемерии культуры Европы, а женщины простодушной Азии, сохранившей близость к природе.

По обыкновению прямо указывая на типологическую связь своих «кавказских» поэм и повестей с «восточными повестями» Байрона отдельными строками или цитатами-эпиграфами из этих произведений английского поэта, Пушкин, Лермонтов, Полежаев, Бесту-

жев-Марлинский вместе с тем не только самобытны в своих поэтических, выразительных и изобразительных, средствах, но нередко и превосходят Байрона. Поясним это сопоставлением пушкинской Заремы («Бахчисарайский фонтан») с байроновской Леилой («Гяур»), превосходно проделанным В.М. Жирмунским. И английский, и русский поэт, отмечает ученый, одинаково эмоционально относятся к предмету своего изображения, в равной мере прибегая к вопросам-восклицаниям, обильным оценочным эпитетам, лирическим гиперболам, выражающим «их участие и восхищение красотой героини. Но в противоположность скупому и строгому живописанию Пушкина, сосредоточенному на конкретных мотивах поэтического образа, Байрон нагромождает идеализирующие сравнения, заимствованные из условного мира поэтической экзотики...» [Жирмунский, 1978, 196].

«Нет, я не Байрон, я другой / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой», – скажет о себе Лермонтов еще на восемнадцатом году своей жизни и свою творческую самобытность зримо обнаружит в лиро-эпических поэмах байронической традиции. Другими словами, отталкиваясь от принципов западноевропейского романтизма и литературных традиций Дж.Г. Байрона, представители русской романтической школы придут к новым откровениям художественного и онтологического порядка.

Библиография

1. Башиева С.К., Геляева А.И., Кучукова З.А. Смыслы и образы времени и пространства в системе этнической идентичности // Философские науки. Спецвыпуск. 2011. № 1. С. 87-107.
2. Беляев В.И. (ред.) Коран. М.: РАН, 1963. 714 с.
3. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с.
4. Кажарова И.А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 176 с.
5. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Северного Кавказа. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т), 2013. 408 с.
6. Муратова Я.Ю. «Гяур Байрона: место поэмы в «Восточном цикле» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 6. С. 56-60.
7. Пушкин А.С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 639 с.
8. Сидорченко Л.В. «Восточные повести» Байрона и их источники: дис... канд. филол. наук. ЛГУ, 1971. 150 с.
9. Стахорский С.В. (ред.) Энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1997. 496 с.
10. Тхагапсоев Х.Г. (ред.) Культура Южной России. Культура Южной России // Мосолова Л.М. (ред.) Поликультурное пространство Российской Федерации: в 7 кн. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. Кн. II. 276 с.

Byronic motives in "Caucasian" works of Russian romantics of 1820-1830s (gender aspect)

Eset Kh. Mankieva

PhD in Philology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: aset.mankieva@mail.ru

Abstract

The gender aspect of Russian Romanticism creativity is among poorly studied problems. This article discusses a range of issues related to the forms of the aesthetic impact of the canons of Western European romanticism to the artistic consciousness and writing of Russian romantics in the depiction of Highland, North Caucasian woman. Priority attention is given to the English romanticist George Gordon Byron and his works, which intertextually echo with the A.A. Bestuzhev-Marlinsky, A.S. Pushkin's, M.Y. Lermontov's Caucasian pages of poetry. Russian artists took directing landmarks of European romanticism as the basis, including the principle of "oriental woman" idealization, her physical, psychological and spiritual aspect. At the same time, "outdoing" their teacher, they have created a unique artistic world with its own arsenal of expressive means. The author of the article notes that the connection of images of the North Caucasian woman is detected mainly at the level of typological traits of certain ideas and ideals of Romanticism rather than in its national identity as a common basis for European literature. These are the ideals of passionate love, natural femininity, women's loyalty to her feelings which hits the man's body and soul by a coherent and vibrant beauty – beauty of a simple Asian woman.

For citation

Mankieva E.Kh. (2016) Baironicheskie motivy v "kavkazskom" tvorchestve russkikh romantikov 1820-1830-kh godov (gendernyi aspekt) [Byronic motives in "Caucasian" works of Russian romantics of 1820-1830s (gender aspect)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 6 (6A), pp. 33-41.

Keywords

Western European Romanticism, Russian school of romanticism, Byronic motive, image of woman, Caucasus, poetry.

References

1. Bashieva S.K., Gelyaeva A.I., Kuchukova Z.A. (2011) Smysly i obrazy vremeni i prostranstva v sisteme etnicheskoi identichnosti [Meanings and images of time and space in the system of ethnic identity]. *Filosofskie nauki. Spetsvypusk* [Philosophical sciences. Special Issue], 1, pp. 87-107.
2. Belyaev V.I. (ed.) (1963) *Koran* [Koran]. Moscow: Russian Academy of Sciences.
3. Karpov Yu.Yu. (2013) *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the North Caucasus]. Nal'chik: Poligraf-servis i T Publ.
4. Kazharova I.A. (2014) *Kabardinskaya poeziya KhKh veka: aktualizatsiya ideala* [Kabarda poetry of the twentieth century: the actualization of the ideal]. Nal'chik: Pechatnyi dvor Publ.
5. Muratova Ya.Yu. (2015) "Gyaur" Bairona: mesto poemy v "Vostochnom tsikle" [Poem "Gyaur" by Byron in "East cycle"]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kursk State University named after N.A. Nekrasov], 6, pp. 56-60.
6. Pushkin A.S. (1988) *Mysli o literature* [Thoughts about literature]. Moscow: Sovremennik Publ.
7. Sidorchenko L.V. (1971) *"Vostochnye povesti" Bairona i ikh istochniki. Dokt. Diss.* [Eastern novels of Bayron and their sources. Doct. Diss.]. Leningrad State University.
8. Stakhorskii S.V. (ed.) (1997) *Entsiklopediya literaturnykh geroev* [Encyclopedia of literary heroes]. Moscow: Agraf Publ.
9. Tkhagapsoev Kh.G. (ed.) (2012) *Kul'tura Yuzhnoi Rossii*. [Culture of Southern Russia]. In: Mosolova L.M. (ed.) *Polikul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi Federatsii: v 7 kn.* [Multicultural space of the Russian Federation: in 7 books]. Saint Petersburg: Petropolis Publ., Book II.
10. Zhirmunskii V.M. (1978) *Bairon i Pushkin* [Bayron and Pushkin]. Leningrad: Nauka Publ.